

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

А.В. Бондаренко

Кафедра ближневосточных языков
Военный университет

ул. Большая Садовая, 14, Москва, Россия, 123001

В статье обсуждаются вопросы лингвистической онтологии: эволюция сущностно-бытийных взглядов на язык, отношения внутри триады Бытие — Язык — Человек, гносеологические принципы языкознания, локализация сущности языка, высказывание как металингвистическая единица языка, смысловая архитектура языковой личности и другие.

Разговор наш пойдет о бытии и сущности языка, о фундаментальных принципах познания этого божественного дара, о лингвистической онтологии. «Лингвистическая онтология» — термин, чаще применяемый в информатике и вычислительной технике, нежели в науке о языке. Под ним, как правило, понимается специализированный информационно-поисковый тезаурус для автоматической обработки текстов, то есть разновидность программного обеспечения. Как наука о бытии и сущности языка лингвистическая онтология упоминается крайне редко, но именно экзистенциальное определение языка, то есть вскрытие его сущности через анализ языкового бытия, более всего способно заложить теоретический фундамент для общей лингвистики. В ходе дальнейших рассуждений мы намерены, проследив эволюцию онтологических взглядов на язык, осветить ряд вопросов, касающихся онтологической проблематики в современном языкознании.

История демонстрирует знаменательные вехи на пути к бытийному определению языка. Попытки, и не безуспешные, подобраться вплотную к сущности языка с онтологических позиций предпринимались со времен античности, но наиболее продуктивными оказались те воззрения, теории, методологии, парадигмы, отличительным признаком которых явился цельный, максимально широкий взгляд на проблемы бытия, человека, языка (1). Начало было положено в Древней Греции. Греческая интуиция опиралась на живую деятельность человеческого тела, на живое, незамутненное мирозерцание. Греческие философы Парменид, Гераклит, Платон и их последователи создали настолько мощный теоретический

конструкт языка, что влияние его до сих пор питает самые разные лингвистические парадигмы. Имя ему — Логос. Парменид заложил основы античной теории бытия, отождествил Бытие с мыслью. Однако в постулатах Парменида кроется неразрешимое противоречие, ибо *«небытие как-то должно быть, и бытие как-то должно не быть»* [8. С. 495]. А верно ли поставлен сам вопрос: бытие — небытие? Ведь мы ничего не знаем о небытии! Мы *всегда* имеем дело с бытием. Методологически более продуктивной выглядит антитеза *ведение — неведение*. Мы полагаем, что именно сокрытость, неведение причастны к речи, говорению, мышлению, вниманию. Почему? Потому что Бытие эмануирует *смыслы*, раскрываясь перед нами, увлекая нас в *предстоящее*, «предлагает» нам тексты, соответствующие модусу вот-бытия, речевому, поведенческому жанру. Подтверждение этих слов мы находим в учении Гераклита о Логосе — всеобщей закономерности, духовном первоначале, мировом разуме, абсолютной идее. Ключевые категории философии Гераклита — Логос, Судьба, Правда, Бог. По Гераклиту, «природа любит скрываться», познание сущности бытия затруднено, количественное накопление знаний неспособно открыть Истину, «многознание уму не научает». Приобщение к Логосу — вот единственный способ хоть как-то приблизиться к трансцендентному.

Идеологически близким к воззрениям Гераклита можно считать учение Платона об Эйдосе — конкретной явленности Бытия. «Платонизм в сущности есть учение о трех или, если хотите, о четырех ипостасях, диалектически развертывающих бытие во всей его целостности, — о Едином, Уме (Эйдосе, Идее), Душе и Космосе» [Там же. С. 620]. Единое — сверхсущее. Единое порождает Ум как способ самосознания. Ум через становление одушевляется. Душа отелеснивается в Космос. Согласно Платону, «эйдос — наивысшая обобщенная, конкретная сущность вещи; и к нему неприменимы никакие не только вещные, но формально-логические квалификации» [Там же. С. 185]. Платон определяет сущее как нечто нераскрытое: «Сущее» указывает только на то, что предмет существует, причем не ставится тут вопроса ни о том, что такое этот существующий предмет, ни того, как он существует» [Там же. С. 504]. Но тот факт, что вещь уже нам как-то дана, указывает на некоторую ее уже-раскрытость.

Следующим этапом эволюции онтологических взглядов на язык стало аристотелевское понятие «чтойности». Чтойность — это «1) смысл вещи, 2) данный как неделимая и простая единичность и 3) зафиксированный в слове» [Там же. С. 724]. Бытие, по Аристотелю, многослойно. Сущие актуализируются, высвечивая то одну свою сторону, то другую. Границы между сущими условны и размыты. Имеет место обмен чтойностями: смыслы трансформируются, вещи приобретают новое звучание, становятся *новыми* вещами. Онтологические взгляды Аристотеля нашли свое отражение в его учении о началах бытия под названием «Метафизика».

Пройдя сквозь века и столетия, плодотворная античная мысль дала новые всходы в евразийской филологической традиции нового времени. В. фон Гумбольдт, основоположник теоретического языкознания, стал едва ли не первым лингвистом, помыслившим язык с онтологических позиций. В. фон Гумбольдт

включает язык в круг *фундаментальных свойств человека*, утверждая, что «действие» человеческого языка простирается теоретически на всю бесконечную действительность, то есть охватывает мир именно как целое. Это не простое расширение горизонта, а приобретение нового измерения» [6. С. 15]. Поразительным образом античное мировоззрение обретает новое звучание в словах великого немца. В. фон Гумбольдт, подобно Гераклиту, постулирует *тотальную эзотерическую природу языка*: «Конечно, язык возникает из таких глубин человеческой природы, что в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов. Ему присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути самодеятельное начало, и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а непроизвольная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба» [Там же. С. 49]. Тотальный характер языка распространяется на все сущее в этом мире, что как-то может быть явлено, и в первую очередь на человека как носителя языка. Для человека язык выступает в качестве объекта познания и одновременно его (человека) сущности. Где бы человек себя ни обнаруживал — он оказывается во власти Языка, постоянно пребывая в нем. Объективная гносеология языка затруднена (если вообще реализуема). То же мы слышим и у Ю.М. Лотмана, автора универсальной семиотической теории: «Мы погружены в пространство языка. Мы даже в самых основных условных абстракциях не можем вырваться из этого пространства, которое нас просто обволакивает, но частью которого мы являемся и которое одновременно является нашей частью» [9. С. 101]. Патриарх Женевской лингвистической школы Ф. де Соссюр выступает за максимально широкий взгляд на язык, полагая, что «цель лингвистики — понять сущность языка в самом широком смысле слова без всяких ограничений, изучить человеческий язык в целом во всех его проявлениях и связях, во всех его разновидностях вместе с историей их возникновения и причинами языкового разнообразия» [13. С. 171]. В этом смысле инструментальный характер языка отходит на второй план, уступая место его сущностно-бытийным характеристикам. Такой же точки зрения придерживается и основатель философской герменевтики Х.-Г. Гадамер: «Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некоей оснасткой — но на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир ... подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир» [5. С. 512—513]. Определение языка, если и возможно, то только *генетическое*. «Человек имеет язык от природы. Сказанное не следует понимать так, что наряду с другими способностями человек может говорить. Утверждается, что только язык делает человека таким существом, как человек. Только как говорящий человек — это человек. Так считал Гумбольдт» [15. С. 2]. Основоположник культурно-исторической теории происхождения высших психических функций Л.С. Выготский указывает на врожденный характер языка: «Первоначально язык возникает из рефлексорного крика, который совершенно неотделим от других эмоциональных и инстинктивных симптомов поведения» [4. С. 196]. Констатация природного происхождения языка чрезвычайно ценна в методологическом плане. Но, как верно замечает М.М. Бахтин, отношения Человека и Языка еще далеки от полной

определенности: «До сих пор сказанное человеческое слово исключительно наивно; а говорящие — дети — тщеславные, самоуверенные, надеющиеся. Слово не знает, кому оно служит, оно приходит из мрака и не знает своих корней» [3. С. 236]. Может ли тогда язык в принципе быть объектом познания? И если да, то какие методологические условия должны быть соблюдены?

По Э. Кассиреру, «объектом лингвистики является язык, над свойствами которого воля отдельного индивида властна в такой же степени, в какой, например, соловей свободен сменить свою песню на песню жаворонка» [7. С. 93]. Академик Э.А. Поздняков придерживается того же мнения: «Так оно и есть: мир человека — это мир слов. Человек опутан словами и связан ими по рукам и ногам. Слово есть деспот; оно держит нас в своем плену на короткой цепи — не разгуляешься. Мы считаем, что мы владеем словом. Ничего подобного!» [12. С. 208]. Микросущность не может связать познавательной рефлексией макросущность целиком и во всех ее свойствах, но способна приобщиться к ней субординанно, по крупницам собирая сведения о последней, привлекая междисциплинарный инструментарий. Нельзя познать язык его же методологией (гносеологический парадокс «барона Мюнхгаузена»). Даже такой апологет структурального подхода в лингвистике, как Ф. де Соссюр, признает: «Чтобы иметь здравый взгляд на лингвистику, необходимо посмотреть на нее извне... Лингвист, который является только лингвистом, и никем более, по моему мнению, не в состоянии найти верный путь классификации фактов» [13. С. 152]. Вывод — необходима металингвистика языка, теоретической базой которой может стать фундаментальная онтология.

Вслед за постулированием принципов познания языка необходимо определить те манифестации, в которых Язык проявляет себя наиболее полно. Где же локализована сущность Языка? Полагаем, что средостение так называемой «языковости» — это главным образом речь, говорение. «*Экзистенциально-онтологический фундамент языка есть речь*» [14. С. 187]. Х.-Г. Гадамер, подобно М. Хайдеггеру, находит онтологию языка в говорении: «Следует... подчеркнуть, что язык обретает свое подлинное бытие лишь в разговоре» [5. С. 516]. Человек говорит всегда — наяву и в мечтах. Мы говорим постоянно, даже тогда, когда не произносим никаких слов, а только слушаем и читаем, и даже тогда, когда пребываем в труде и праздности. Мы, так или иначе, постоянно говорим. Говорим потому, что говорение естественно для нас и происходит не по нашему произволу. Фр.-В. фон Херрманн считает *говор* Языка промежуточной реальностью между чистой физиологической наличностью человека и «обволакивающим» его Бытием: «Звучащее слово как некое «мировое», как сущее, — совершенно уникально. Оно занимает промежуточное положение между сущим, каким я сам являюсь в своих телесных отношениях, и внутримировым сущим, к которому я телесным образом отношусь» [16. С. 74].

Сущность языка, посредством которого Бытие только и дает о себе знать, являет себя, полилингвальна, изоморфна. Эманация бытия осуществляется различными медийными средами — звуком, светом, температурой, влажностью, пространством и временем. И человек, в свою очередь, задействует все медийные

возможности, доставшиеся ему от Бытия, — звук, графику, мимику, жест. Экзистенциальный поток Языка непрерывно стимулирует сознание человека. То, что человеку кажется дискретным и прерывистым (звуки, буквы, слова, предложения), первопричиной имеет непреходящий континуум Бытия. Вообще различение имеет самое непосредственное отношение к сущности Языка, то есть способу Бытия, которое как бы подсвечивает различные свои кванты, дает их человеку в созерцании. В этом и заключается «языковость» Языка — через различение (аудиовизуальное, тактильное, температурное, темпоральное, семантическое, аксиологическое) Бытие раскрывает себя человеку. Это различение принимает самые причудливые формы — формы языков, индивидуальных, групповых, этнокультурных. Бытие как бы говорит: смотри, Человек, я могу быть таким, а могу и иным, инаковость моя неисчислима, горизонт познания меня непостижим и тебе недоступен.

Общая методология в анализе объекта требует выделения уникальной и неделимой единичности, в которой бы качественно сохранялись все атрибуты объекта. То же и в случае с языком. Онтическая единица языка есть *высказывание*, понятое как индивидуальная экзистенция, как *вот-бытие* личности, ее поступок, ее текст в контексте Бытия. Высказывание принципиально неделимо, неразложимо в отличие от единицы языка как системы — предложения. Отрыв высказывания (как, впрочем, и элементов низших уровней — фразы, предложения, слова) от бытийного контекста невозможен (а если и допустим, то только с учетом целого и в интересах более глубокого познания целого, то есть высказывания). Впервые такой широкий взгляд на высказывание мы находим у М.М. Бахтина, который заложил основы металингвистики — учения о *Слове* как идеологическом знаке. «Изучение природы высказывания и речевых жанров имеет, как нам кажется, основополагающее значение для преодоления упрощенных представлений о речевой жизни. Более того, изучение высказывания как *реальной единицы речевого общения* позволит правильное понять и природу единиц языка (как системы) — слова и предложения» [2. С. 257—258]. Размеры высказывания не имеют принципиального значения. Это может быть и междометийный окрик, и многотомный роман. Главное — автор высказался, предоставив слово собеседнику. Именно в смене речевых субъектов проходит металингвистическая граница высказывания. В высказывании весь человек. Высказывание может быть молчаливым, отчасти овнешненным, но от этого оно не перестает быть высказыванием. Переключение внимания и любая интуиция (пусть даже самая смутная и неосознанная) есть *зов* Бытия, а значит *проявление* Языка и его онтический квант. Каково же *экзистенциальное* наполнение единицы *явленного* Языка? По М. Хайдеггеру, «Анализ высказывания занимает внутри фундаментально-онтологической проблематики исключительное место, поскольку в решающих началах античной онтологии *λόγος* служил уникальной путеводной нитью для подхода к собственно сущему и для определения бытия этого сущего. Наконец, высказывание исстари расценивается как первичное и собственное «место» *истины*» [14. С. 180].

Пребывая в говоре Языка, человек имеет дело с различными сущими (видимыми, слышимыми, ощущаемыми, проговариваемыми). Язык конструирует

из крупниц Бытия, именуемых сущими, ту *расположенность* человека, которая максимально соответствует контексту Бытия. Сущие, таким образом, формируют *модус* переживания «вот-бытия» и как *целое* есть метафизический смысл данности индивида здесь и сейчас: того, что он ощущает, переживает, о чем мыслит, какие образы представляет. Сущие возникают как *force majeure*, пусть и мотивы их «выбора» могут осознаваться индивидом. Рефлексия человека всегда *post factum* — *Бытие* через Язык диктует человеку его «произвол». Отсюда высказывание есть экзистенциальный конститутив смысла «вот-бытия» индивида в конкретный исторический момент.

Подводя итог нашим рассуждениям, мы вправе заключить, что именно Язык, или явленное Бытие, движет Человеком, *поступает* им, оформляя в нем свой говор. Говор Бытия и есть Язык. Человек одержим языком, находится в его плену. «Живущий человек изнутри себя устанавливается в мире активно, его осознаваемая жизнь в каждый ее момент есть поступление: я поступаю делом, словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком. Однако я не выражаю и не определяю непосредственно себя самого поступком; я осуществляю им какую-нибудь предметную, смысловую значимость (курсивы мои — А.Б.)» [1. С. 160]. Не человек подбирает смыслы, но *смыслы находят его*. Смыслы не только направляют поведение человека, но и формируют паттерн его языковой личности — *социальный* паттерн. Индивидуум есть частная реализация Человека и есть отражение (слепок) социума. Объективная психология, двигаясь в данном направлении, нивелирует антиномию *индивидуального* и *социального* в языковой конституции личности: «Другими словами, мышление легко обнаруживает свой социальный характер и показывает, что наша личность организована по тому же образцу, что и социальное общение... Правильнее было бы сказать, что мы знаем себя постольку, поскольку мы знаем других, или, еще точнее, что мы знаем себя лишь в той мере, в какой сами для себя являемся другим, т.е. чем-то посторонним. Вот почему язык, это орудие социального общения, есть вместе с тем и орудие интимного общения человека с самим собой» [4. С. 198]. Имеет место интериоризация смыслов, их перевод во внутреннее бытие человека. Личность, тем самым, есть некий общественный смысловой патент. «Архитектоника личности — это архитектоника смыслов, воплощенных в личности — демиургической носительнице смыслов» [11. С. 120]. Смыслы «перемещаются» в семиосреде вместе со своими вещами. Так называемая коммуникативная ситуация — это встреча человека с новым смыслом. Ю.М. Лотман называет сам факт такой встречи «смысловым взрывом», а работу сознания — вдохновением. Не об этой ли специфической открытости, явленности языка мы говорили несколько ранее?! Граница, отделяющая мир семиозиса от внесемиотической реальности, проницаема. Сокрытое явствует, обретая смысл и расширяя тем самым пространство Культуры. Такое смыслообразование свидетельствует о *потенциальном* характере Языка [10]. Мы полагаем смыслы *предзаданными*, *предстоящими*, *потенциальными*. *Вероятностный* характер смыслов заложен логикой бытия — Логосом. Человеку *смысл* приходит на ум, а уж потом интенция, потом идея, получающая свое оформление,

потом деятельность (причем различной степени осознанности). Смысловой континуум пронизывает всю нашу жизнь, но содержит смыслы в запечатанном виде. Бытие через Язык подсказывает Человеку, какой конверт и с каким смыслом распечатать. Бытие подталкивает Человека к разговору, *им* говорит, *через него* говорит. Человек оформляет говор Бытия через дарованный ему же Язык — единственное средство познания себя и познания других, единственный способ достижения экзистенциальной гармонии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Такой способ философствования Г.П. Мельников называет «греческим» и противопоставляет «вавилонскому» мировоззрению. Греческий обращен к сущности вещей, наиболее близок к реальности, за частностями стремится видеть общее, тогда как вавилонский склонен к технизации предметности, дискурсивно-логическому анализу, структурированию объекта познания. Греческий стиль философствования характерен для классической немецкой философии, но максимальную реализацию получил в русской традиции с ее соборностью, космичностью, теософичностью. Подробнее см.: *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. — М.: Наука, 2003.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 9—226.
- [2] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. Проблема текста // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 249—298.
- [3] *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 232—239.
- [4] *Выготский Л.С.* Психология. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
- [5] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988.
- [6] *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. — М.: Прогресс, 2000.
- [7] *Кассирер Э.* Философия символических форм. Том 1. Язык. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
- [8] *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. — М.: Мысль, 1993.
- [9] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Ю.М. Лотман. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
- [10] *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1979.
- [11] *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989.
- [12] *Поздняков Э.А.* Философия культуры. — М., 1999.
- [13] *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
- [14] *Хайдеггер М.* Бытие и время: Пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: Фолио, 2003.
- [15] *Хайдеггер М.* Язык. — СПб.: Ленинградский союз ученых, ЛО Всесоюзного благотворительного фонда «Интеллект», Философско-культурологическая исследовательская лаборатория «ЭЙДОС», 1991.
- [16] *Херрманн Фр.-В. фон.* Фундаментальная онтология языка. — Мн.: ЕГУ; ЗАО «Прописи», 2001.

ONTOLOGICAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

A.V. Bondarenko

Department of Middle Eastern Languages
Military University
Bolshaya Sadovaya str., 14, Moscow, Russia, 123001

The article studies linguistic ontology problems such as evolution of essential-existential views of language, interrelation within Being-Language-Man triad, linguistics gnosiological principles, language essence localization, and «expression» as language metalinguistic unit as well as architectonics of language personality et alia.